

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

С. В. Туров

Based on the published data from the archives sources, development of cattle-breeding and farming in peasants household of West Siberia in XVIII — the first half of XIX centuries in correlation with environment are considered. The numerical data testifying to the successes of west-siberian cattle-breeding in the middle of XIX century. It is stated a rather high knowledge level of soil and climate peculiarities of the region among peasants and some local agricultural peculiarities are investigated.

В XVIII — первой половине XIX вв. одной из важнейших отраслей крестьянского хозяйства являлось скотоводство. Заметное, по сравнению с XVII в., развитие этой отрасли было связано с перемещением русского крестьянства из северных таежных районов к югу, обильному сенокосами и пастбищами, а также с увеличением потребности в гужевом транспорте и ростом емкости рынка на продукты скотоводства. Источники XVIII в. дают лишь приблизительную картину обеспеченности крестьян скотом [Крестьянство..., 1982, с. 189–199]. Но можно констатировать, что средняя обеспеченность скотом в западносибирских губерниях в XVIII в. была значительно выше, чем в европейской части страны [Емельянов, 1980, с. 168–169; 1981, с. 40–41, 44, 70, 94–95; Жеравина, 1970, с. 149; Кондрашенков, 1969, с. 51–54; Миненко, 1975, с. 78–79; Пундани, 1975, с. 37–42; Русакова, 1976, с. 69]. Есть систематизированные сведения о средней обеспеченности крестьянства скотом на ревизскую душу в пределах Томской губернии в 1840-х гг. Каинский округ: лошадей — 2,2; крупного рогатого скота — 2,6; овец и коз — 3,7. Алтайский округ: лошадей — 2,4; крупного рогатого скота — 2; овец и коз — 2,2 [Крестьянство..., 1982, с. 199]. В Тюменском уезде в среднем на двор приходилось примерно 4–5 лошадей, 4–6 коров, 5–7 овец и 1–2 свиньи [Миненко, 1991, с. 119].

Таким образом, размеры скотоводства были неодинаковы в различных районах Западной Сибири. Больше всего скота насчитывалось у крестьян Тарского, Курганского, Ишимского, Ялуторовского, Омского округов Тобольской губернии. В первой половине XIX в. среди крестьян были владельцы табунов в 100–150 лошадей, 200–300 голов рогатого скота. В Ишимском и Курганском округах в хозяйствах самых богатых крестьян в среднем на ревизскую душу приходилось 40 коров, 50–70 лошадей. В богатых хозяйствах скотоводство носило выраженный товарный характер. Убой приплода крупного рогатого скота и овец в некоторых хозяйствах тарских крестьян доходил до 200 и более голов в год [Громыко, 1975, с. 69–70]. С. Турбин в 70-х гг. XIX в. отмечал, что ни одна губерния Европейской России, “не исключая области войска Донского, по количеству домашнего скота не может идти в сравнение с Тобольскою” [Турбин, 1871, с. 51]. В XVIII — первой половине XIX вв. вся территория Южной Сибири превратилась в регион развитого крестьянского скотоводства. Огромные стада содержали некоторые крестьяне на Горном Алтае. Здесь в начале 40-х гг. XIX в. в отдельных хозяйствах насчитывалось по 300 и более лошадей, а в 60-х гг. зажиточные крестьяне имели здесь до 500 лошадей, 50–70 голов рогатого скота и до 200 овец [Миненко, 1991, с. 121; Мамсик, 1989, с. 103]. Меньше скота было у крестьян в таежных районах. О скотоводстве в Туринском, Тобольском, Верхотурском уездах Тобольской губернии в источниках говорится, что оно “скудно” [Крестьянство..., 1982, с. 200–201]. Однако это “скудность” по сибирским меркам. Так, в Туринском уезде в начале XVIII в. в крестьянских дворах имелось по 10, 12, 17 лошадей, 10 и более коров, до 20 овец. В среднем семья, насчитывавшая более трех взрослых мужчин, держала не менее трех лошадей [Миненко, 1991, с. 119].

В литературе встречаются данные об общих размерах крестьянского скотоводства по отдельным крупным районам Западной Сибири в рассматриваемый период. Так, И. Завалишин, основываясь на губернаторских отчетах, насчитал у русского населения Томской губернии в 1861 г. 1 963 912 голов скота, из них: лошадей — 625 492; крупного рогатого скота — 585 073; овец — 577 408; свиней — 158 133; коз — 19 798 [Завалишин, 1865, с. 21]. В 1851 г. только у приписных крестьян Алтая учтено 2 775 216 голов лошадей и 249 076 голов рогатого скота [Миненко, 1991, с. 121]. Н. Абрамов в 50-х гг. XIX в. насчитал в Березовском крае: 800 овец, до 200 свиней, до 6000 лошадей и 300 коров [Абрамов, 1858, с. 443].

Описанные выше успехи западносибирского скотоводства в действительности, по-видимому, были еще более впечатляющими, так как крестьяне, справедливо опасаясь усиления налогового гнета, редко сообщали достоверные сведения о размерах своего хозяйства.

Во взаимодействии скотоводства с окружающей средой возникали сельхозугодья двух типов — выпаса (выгоны) и сенокосы. Выпас скота осуществлялся на угодьях лугового типа. Но и среди луговых пастбищ выделялись наиболее ценимые в кормовом отношении, а значит, подвергавшиеся особенно интенсивной эксплуатации — прежде всего это пойменные луга. Они составляют ос-

новную группу урочищ пойменного типа, куда следует отнести и урочища пойменных лесов, и низменных болот, и озера старицы [Милов, 1973, с. 67]. Существовали также лесные выпаса, распространенные главным образом в лесной полосе края. Выпас скота в лесу вел к деградации участков, служивших пастбищами, а в случае интенсивного их использования — к полному исчезновению леса через некоторое время. Причем следует учитывать, что коровы и лошади вредят лесу в значительной меньшей степени, чем овцы, свиньи и козы [Петров, 1985, с. 66–74]. (Уже при Петре I данное обстоятельство послужило поводом для специального указа, которым в целях сохранения подростка в лесах запрещался выпас коз и свиней [Семенова-Тян-Шанская, с. 129].) Между прочим, большая часть стада у крестьян Западной Сибири состояла из лошадей и коров, меньше держали овец, разведение свиней и коз было совсем незначительным [Крестьянство..., с. 201–202].

В Сибири скот пасли на общественных выгонах — покотинах, составлявших от 1 до 6 верст в длину и почти столько же в ширину. Этот участок огораживался жердями или плетнем [Миненко, 1991, с. 134]. Как вспоминают старожилы, по селу к покотине вели специальные изгороди (“улиса”). Понятно, что на общественном выгоне видовая деградация травяной растительности проходила весьма интенсивно. И. Левитов в начале 90-х гг. XX в. проследил эволюцию земель, использовавшихся в качестве пастбищ для скота: “...я увидел, что под твердым материком залегают слои черноземной земли в аршин глубины. Настоящего чернозема я здесь никогда не видел (Тюменский уезд. — С. Т.)... Земля эта служила в былые времена выгоном, потом лугом, наконец, трава перестала родиться, вследствие сильного уплотнения дернины, и место это заросло кустарником...” [Левитов, 1893, с. 44]. Когда трава “переставала родиться”, под покотину отводился новый участок, зато освободившаяся земля могла быть использована под высокопродуктивные пахотные угодья.

Другим типом сельскохозяйственных угодий являются покосы. В Западной Сибири различались покосы луговые, дубравные (лесные) и болотные. На Горном Алтае сено накашивали на альпийских лугах. Здесь “на белках” были особенно хорошие покосы. Отмечена неодинаковая обеспеченность крестьян сенокосными угодьями: в старозаселенных районах их было меньше, чем в тех, которые продолжали осваиваться [Власова, 1979, с. 49–50]. Зафиксирована незначительная степень окультуренности ландшафтных систем, занятых под покосы. Крестьяне Западной Сибири не применяли никаких приемов улучшения покосов. Например, в Шадринском, Далматовском и других уездах Зауралья эта “важная часть хозяйства, — пишет А. Третьяков, — остается в забвении и доныне, без всякого внимания”. [Третьяков, 1852, с. 209]. Поэтому при сенокосении возникали трудности. Основными орудиями косьбы были коса-горбуша и коса-литовка, но последняя часто не использовалась, так как “неровности сенокосов того не позволяли”, “травяные кочки и кротовые кучи” вообще затрудняли сенокосные работы [Там же, с. 211]. В 50-х гг. XIX в. пассивность крестьян Тюменского уезда в улучшении сенокосных угодий отмечал Ф. Бузолин: “Очищения и наводнения лугов, осушения болот и падей здесь не знают; от травосеяния не имеют понятия, хотя терпят после сухого лета ощутительный недостаток сена...” [АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 9. Л. 3]. Положение не улучшилось и значительно позднее. Так, уже в 90-х гг. XIX в. И. Левитов сетовал на то, что в Тюменском уезде не имеют представления об уходе за сенокосными угодьями [Левитов, 1893, с. 45]. Пожалуй, единственным способом улучшения сенокосов являлись “палы” — сжигание прошлогодней “ветоши” (травы). Данный прием хотя и был достаточно эффективен, но зачастую оборачивался катастрофой: уничтожались десятки тысяч десятин леса, горели населенные пункты, в огне гибли люди и животные [Туров, 1994, с. 81–92].

Заготовка сена иногда приводила к совершенно неожиданным экологическим последствиям. На Горном Алтае водится вид грызуна, известного под названием “пищуха” или “сеноставка”. Зверьки эти заготавливают на зиму сено, складывая его во внушительные стожки. Запас сена на 1 кв. км угодий в некоторых урочищах может достигать 10 тонн [Сабанский, 1988, с. 22–24]. Крестьяне без зазрения совести похищали эти запасы, сокращая таким образом поголовье животных [Паллас, 1786, с. 295–296; Спасский, 1818, с. 63].

Сено заготавливали в огромном количестве. На период стойлового содержания лошади требовалось 25 копен, корове — 15, овце — 10, поэтому нередко в отдельных хозяйствах ставили по 1000 и более копен сена. Например, только в Легостаевской волости в 1818 г. было заготовлено 356 045 копен [Миненко, 1991, с. 145]. Сведения об измерениях, выполненных землемерами двух округов Тобольской губернии в 20-х гг. XIX в., позволяют судить не только об общей площади, но и указывают на соотношение угодий (пашня — сенокос). Итак, в это время в Ялуторовском округе числилось: “пашенной земли” — 422 133 дес., “покосов” — 210 638 дес.; в Тюменском округе: “пашенной земли” — 115 481 дес., “сенных покосов” — 68 349 дес. [РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 486. Л. 22 об., 23]. Таким образом, в южной полосе региона покосы занимали примерно вдвое меньшую площадь, чем пашня. Уже упоминавшийся И. Завалишин приводит данные о размерах скотоводческих угодий (выгон, сенокос) у русского населения Нарымского уезда в 1861 г. — 5150 кв. верст, что превышает площадь нарымской пашни в 10 раз [Завалишин, 1865, с. 80].

Исследования Н. А. Миненко во многом прояснили один из самых запутанных вопросов сибирской аграрной истории, который, кстати, мучил местную администрацию еще в XVII в.: почему си-

бирские крестьяне, несмотря на огромное количество скота, крайне неохотно применяли навозоудобрение? Унавоживание не прививалось, вопреки усилиям местных воевод “приохотить” к нему крестьян. Прежде всего Н. А. Миненко совершенно справедливо переносит на Западную Сибирь вывод, сделанный В. Н. Шерстобоевым для Илимского края, о том, что русский земледелец пришел в Сибирь, вооруженный навыками трехпольного хозяйства. Однако, как далее пишет Н. А. Миненко, крестьяне убедились на практике в том, что внесением навоза нельзя поддерживать на необходимом уровне плодородие почв, именно поэтому они переходили к практике забрасывания земель на время, необходимое для восстановления плодородия. “Опыт показал сельским труженикам, что на унавоженных черноземах хлеб забивают сорные травы, а в районах с низкими температурами почвы навоз плохо перегнивал” [Миненко, 1991, с. 88–102].

Однако сибирская администрация, а вслед за ней и культуртрегеры (“передовые люди”) 60-х гг. XIX в. продолжали добиваться от сибирского мужика навозоудобрения в полеводстве любой ценой. Разница была лишь в том, что чиновники делали это из соображений карьеры, а “передовые люди” “просвещали” “темный” народ. Последние, между прочим, получили от “темного” сибирского мужика “в знак признательности” емкое и недвусмысленное прозвище — “навозники” [Русская..., 1892, с. 154]. Пикантность ситуации заключалась и в том, что на деле “культурные хозяева” часто попадали впросак. Так, И. Левитов, пытавшийся заниматься земледелием на “научных началах” в 90-х гг. XIX в. в Тюменском уезде, пишет следующее: “Что касается ярового пашенного поля... Все поле, за исключением только той полосы, на которой положено было по одному возу навоза на каждую квадратную сажень, было замечательное; полоса же сильно удобренная выгорела...” [Левитов, 1893, с. 47].

К уровню понимания сибирским “темным” мужиком экологических реалий края наука начинает подтягиваться только к 80-м гг. XIX в. Прорыв был совершен В. В. Докучаевым: “В огромном большинстве случаев сибирский чернозем имеет очевидную (генетическую) связь с почвами несомненно болотными, солонцеватыми и озерными; вследствие этого и сам степной чернозем нередко приобретает невыгодные особенности почв нечерноземных. Сибирский чернозем далеко не представляет таких сплошных площадей, как чернозем европейский... участки настоящего степного чернозема, бесплодные пески и солонцы, а равно и болотные и озерные отложения беспрерывно перемежаются между собой, представляя бесконечные переходы...” [Докучаев, 1882, с. 12]. В ходе современных исследований выводы Докучаева были подтверждены и конкретизированы. Так, “сокращенная мощность” сибирских черноземов (по сравнению с европейскими) и “языковатость” (неоднородность) их гумусных горизонтов является, как показали исследования омской школы почвоведов, характерной местной (провинциальной) особенностью степных почв Западной Сибири [Градобоев, Прудникова, Сметанин, 1960, с. 32–48]. Сложный мозаичный состав почвенного покрова, характерный для степной и лесостепной зон Западно-Сибирской равнины, еще более усложняется на севере. Распространенные в таежной полосе подзолистые почвы различно сочетаются с болотными и многообразными переходными заболоченными образованиями. Причем почвы как юга, так и севера Западно-Сибирской равнины совершенно отличны от почв тех же зон Европейской России. Например, в южной части таежной полосы распространены особые дерново-подзолистые осолоделые почвы, аналога которым в европейской части страны нет [Горшенин, 1955].

Таким образом, только к середине истекающего столетия в науку пришло понимание того, что почвенно-климатические условия Западной Сибири весьма специфичны. Здесь более континентальный климат, чем в европейской части России, более короткий вегетационный период, довольно часты летние засухи и морозные малоснежные зимы, в течение которых почвы сильно и глубоко промерзают. Сибирские почвы значительно отличаются от почв европейской части страны по составу. Кроме того, в Западной Сибири нет больших массивов однородного почвенного слоя: сибирские почвы чрезвычайно мозаичны. Отсюда уже не трудно сделать вывод о невозможности применения в Западной Сибири единой агротехнической тактики.

Сибирские крестьяне, надо заметить, сделали все вышеобозначенные выводы значительно раньше. В почвах они разбирались прекрасно: в народной агрологии были известны десятки видов и подвидов почв. В 90-х гг. XIX в. в барабинском лесостепье крестьяне различали три вида только черноземов: “черная гривка”, “рыхлая гривка”, “площадная земля”; девять видов суглинков: “песчаная гривка”, “сухолицеватая глина”, “мясника”, “красник”, “серик”, “белик”, “трехслойная земля”, “гороховник”, “гривный белик” [Филимонов, 1892, с. 13]. Для каждого типа почвы существовала своя система обработки: “В сухое время темный суглинок можно еще пахать, а серый — ни в коем случае: “соха не идет, а где и идет, то отваливает такие глыбы, что разбить их борона не в состоянии”. Поэтому серый подзолистый суглинок можно пахать только после дождя, так как через день-два после последнего он “слабнет”, “делается мягким”, доступным для сохи... Темный средний суглинок нуждается лишь в трех дождях для хорошего урожая, для серого же подзолистого суглинка необходимо, по меньшей мере, пять дождей, выпавших при том вовремя. О сером подзолистом суглинке нужно сказать, что он любит “смочные годы”, ибо здесь “чем больше мочит, тем лучше родит”. При этом перерода от обилия дождей никогда не бывает, что иногда случается со здешни-

ми черноземами” [Там же, с. 101]. “Почву называют “сериком с беликом”, оценивают как второй сорт. Место покрыто березником. Наибольшие урожаи на этой почве дают овес и рожь, и преимущественно в мокрые дождливые годы. Озимая рожь часто выгнивает, сеют больше ярицу. Дождями смачивается с трудом, сохнет плохо” [Скалозубов, 1895а, с. 26]. “В годы, когда воды Иртыша заливают поля, по берегу его в удобных местах, где течение тихо, отлагается ил. Это богатейшая почва, дающая очень высокие урожаи без удобрения. Сеют на илах ячмени — по возможности редким посевом, так как хлеб сильно кустится. Солома вырастает высокая, колос крупный, без плетей (остей), тогда как на высоких пашнях ячмень усатый; под тяжестью зерна колос всегда склоняется. Делят эту землю между домохозяевами после каждого наводнения снова, ибо и границы ее, и пространство, и самое местоположение меняются каждый раз” [Там же, с. 9].

Разбирались крестьяне и в том, что почвы сибирские “языковаты” (мозаичны). В Барабе крестьяне выискивали и осваивали так называемые “столбики” чернозема: “Величина этих “столбиков” везде и всюду очень незначительна, а именно: колеблется от 1/2 до 1 десятины. ...Следует отметить, что не каждая возвышенность имеет “черноземные столбики”, а только лишь некоторые из них” [Филимонов, 1892, с. 101].

Остается только сожалеть, что народная агрология стала всерьез интересоваться исследователей только в конце XIX в. Между тем не подлежит сомнению, что основной корпус данных эмпирических знаний сложился значительно раньше.

Именно мозаичностью сибирских почв и приспособленностью к данному природному феномену сибирского полеводства объясняется следующее наблюдение, сделанное в первой половине XIX в.: “У нас тут, среди пара, увидите одну или две десятины под покосом, пшеницей, овсом или лоскут пара, окруженный нивою; тут наряду часть покоса, часть дровосека, огороженного для содержания рабочих лошадей, или, что то же, редку” [Третьяков, 1852, с. 204].

Учитывались в полеводстве и почвенно-климатические условия отдельных провинций края. Как отмечает Н. А. Миненко, отсутствие зарегулированности в способах ведения полеводческого хозяйства было характерной чертой западносибирского полеводства, по крайней мере в первой половине XIX в.: “Пахотные земли ни при одном селении на поля не разделяются, и система обработки их не может быть отнесена ни к трехпольному, ни к другому какому-либо правильному хозяйству, и крестьяне на всем пространстве земель, состоящих в безграничном их пользовании, в разных местах избирают лучшие и удобные к возделыванию земли”, — констатировали чиновники Министерства государственных имуществ, ревизовавшие Западную Сибирь в 40-х гг. XIX века [Миненко, 1991, с. 85]. Через столетия А. Кауфман следующим образом охарактеризовал западносибирское земледелие: “И в обыденной жизни, и в литературе постоянно приходится встречаться с суждениями о “сибирском климате”, о “сибирском крестьянине”, о “сибирском хозяйстве” и т. п.; между тем и сибирское хозяйство, и сибирский крестьянин представляли десятки типов, так же мало сходных между собой, как хозяева архангельской и екатеринославской губернии, как крестьянин петербургской дачной деревни, вятского промыслового села и самарского черноземного селения” [Кауфман, 1893, с. 137–138].

Только в 50-х гг. XIX в. начинается систематическое изучение вопроса о возможности навозоудобрения в западносибирском полеводстве. Выяснилась, например, необходимость дифференцированного навозного удобрения для наиболее тучных черноземов Алтая [Западная..., 1965, с. 177]. Одним из самых распространенных типов почв в лесостепье Западной Сибири являются различные солонцы. Внесение навоза улучшает их. Однако солонцеватые почвы образуют сложнейшие мозаичные комплексы, причем каждый элемент комплекса занимает небольшую площадь: “Естественно, возникают вопросы о дозировке удобрений в отношении каждого такого элемента” [Там же, с. 176].

Крестьяне Западной Сибири этот и другие “вопросы”, связанные с навозоудобрением в полеводстве, начали разрешать уже в XVIII в. К концу XVIII в. земли местами удобрялись в Тобольском, Тюменском, Ялуторовском, Туринском и Тарском уездах, к 40-м гг. XIX в. — и в Томской губернии, в волостях Кетской, Парабельской и части Николаевской. К середине XIX в. удобрение пашни навозом утвердилось в Нарымском крае [Миненко, 1991, с. 88]. Крестьяне чрезвычайно осмотрительно и дифференцированно подходили к навозоудобрению: “Количество удобрения (пишет наблюдатель в 40-х гг. XIX в. — С. Т.) зависит от качества почвы, большей или меньшей степени истощения ее и рода хлеба, который предполагается сеять” [Там же, с. 100]. Как отмечает Н. А. Миненко, применение навозного удобрения со временем увеличивалось, но не было слишком заметным [Там же, с. 97].

Темпы прироста удобряемого пахотного клина в крае возрастают во второй половине XIX в. К вышеназванным округам, где применялось навозоудобрение уже в первой половине XIX в., прибавляются Курганский и Ишимский. Это позволило А. Кауфману охарактеризовать всю северную полосу Тобольской губернии как зону “господства навозного хозяйства” [Кауфман, 1893, с. 142, 153] и может объясняться только одним — изменившейся демографической ситуацией в регионе. Иначе совершенно невозможно понять, почему крестьяне, не склонные к каким-либо резким изменениям в способах ведения хозяйства, преодолевали сложности почвенно-климатических условий

и добивались расширения унавоживаемого пахотного клина. Пока было возможно существование в рамках привычной агротехники, навозное удобрение, да и другие нововведения не практиковались. В середине XIX в. эту закономерность подметил К. Мозель: "...уклонение крестьян от всяких нововведений следует приписать не столько их привязанности к старине, сколько тому довольству, в котором они живут..." [Мозель, 1864, с. 32]. А. Кауфман видел единственную причину медленного распространения навозоудобрения (о сложностях, связанных со спецификой сибирских почв, он был слабо осведомлен) лишь в том, что, "...где есть еще возможность кое-как существовать при старых хозяйственных порядках, там... и те крестьяне, которые испробовали удобрение, при всякой действительной или мнимой неудаче решают, что земля "не принимает навозу", и возвращаются к залежному хозяйству" [Кауфман, 1893, с. 153].

Симптоматично, что в местностях, определяемых А. Кауфманом как районы "гос-подства навозного хозяйства": "целиком Туринский, Тобольский и Тюменский округа и примыкающие к последним двум округам окраины Ялуторовского, Ишимского и особенно Тарского", — в это же время, в конце XIX в., имели место и другие агротехнические нововведения [Там же]. Именно здесь по инициативе самих крестьян высокими темпами шел процесс замены пахотных орудий на новые усовершенствованные модели, позволявшие в значительной степени интенсифицировать полеводство. Данное нововведение не в последнюю очередь определялось складывающейся демографической ситуацией — относительным аграрным перенаселением [Половинкин, Суринов, 1995].

Таким образом, первоначально русские земледельцы пришли в Западную Сибирь, имея навыки ведения трехпольного хозяйства. Столкнувшись со специфическими почвенно-климатическими условиями края, они вынуждены были перейти к практике забрасывания земель на время, необходимое для восстановления их плодородия (залежно-паровой системе). По мере накопления полеводческого опыта и знаний о местных почвенно-климатических условиях, под давлением постоянного прироста населения в старозаселенных районах уже в XVIII в. начинается переход к навозоудобрению. Однако вплоть до первой половины XIX в. оно внедрялось медленно. Основным сдерживающим фактором, по-видимому, являлось наличие в крае огромного фонда свободных целинных земель и, как следствие, успевшее сложиться к этому времени своеобразное хозяйственное поведение — "неполная земледельческая оседлость". Толчком к интенсификации внедрения навозоудобрения послужило начало переселения крестьян из европейской части страны после реформы 1861 г. К 90-м гг. XIX в. в Западной Сибири сложился район "господства навозного удобрения" — это были местности первоначального заселения Сибири русскими. Здесь к этому времени были хорошо изучены крестьянами почвы и климат и раньше, чем в других районах, проявились признаки относительного аграрного перенаселения.

В связи с описанными обстоятельствами в рассматриваемый период в регионе остро стояла проблема навозоудаления, которая обострялась пропорционально росту успехов сибирского скотоводства. Насколько серьезный характер она носила, показывает, например, тот факт, что в XVIII — начале XIX вв. крестьяне, "огрузившись навозом", были вынуждены переносить на новые места свои поселения. В самом начале XIX в. об этом писал А. Коцебу: "Как крестьяне из лениности не свозят заблаговременно накопившийся навоз, то бывают они часто в подлинно смешном затруднении. Надворный советник Петерсон, по должности своей объезжавший ежедневно все деревни, за достоверное мне рассказывал, что он приехал однажды в деревню, где крестьяне суетились, ломая дворы свои для перехода на другое место, потому что им гораздо легче казалось свезти свои дворы, нежели окружающие их навозные горы" [Зиннер, 1968, с. 241]. Подобную практику наблюдал в 1820-х гг. А. М. Корнилов и описал как обычное и часто повторяющееся явление [1828, с. 49–50].

От навоза пытались избавиться самыми различными способами, даже использовали его в качестве строительного материала — при выравнивании деревенских улиц, сооружении съездов к рекам и речных плотин [Бочанова, 1985, с. 144]. Кондинские старожилы рассказывали нам, что еще в начале текущего столетия навозом укреплялись берега так называемых "деревенских речек" — протоков от основного русла р. Конды, на которых собственно и строились поселения. А. Третьяков отмечал, что крестьяне Шадринского уезда сваливали навоз на берег речки, как они говорили, "для уплотнения" его "против вешних обрывов" [Третьяков, 1852, с. 204]. И. Я. Словцов в начале 90-х гг. прошлого столетия наблюдал, как крестьяне на р. Тавде устраивали рыболовный "запор", плотину для него они заполняли хворостом и навозом [Словцов, 1892, с. 16]. В 80-х гг. XIX в. крестьяне южных волостей Ялуторовского уезда пытались при помощи навоза остановить пески, продвигавшиеся на их поля и селения. Вывезенный на пески навоз быстро зарастал сорняками, продвижение песков замедлялось [Скалозубов, 1895б]. С. К. Патканов в конце прошлого столетия описал любопытную практику подъема с целью обсушения участков, на которых располагались скотные дворы: "В рыболовном районе, к которому принадлежит... Самаровская волость и многие остяцкие волости, лежащие по Иртышу, Конде и Демьянке, скотные дворы расположены более или менее далеко от домов... При расположении скотных дворов вдали от домов, это обстоятельство не имеет неудобств, напротив, при больших размерах их и при расположении о бок с другими скотными дворами, навоз отлагается сравнительно медленно и равномерно, способствуя возвы-

шению и осушению всего занятого ими мес-та” [Патканов, 1891, с. 124]. Подобная практика, по-видимому, имела место, по крайней мере, уже в 20-х гг. XIX века. Так, В. Н. Шавров писал о русских насельниках Березового края, что у редких из них хлевы стояли в ограде дома или близко к нему [Шавров, 1871, с. 1–2].

Но самым “эффективным” способом удаления навоза стало сваливание его в водоемы. Разница между лесной полосой и лесостепьем в этом отношении заключалась лишь в том, что на севере навоз чаще “доверяли” проточным водам, а на юге, в силу недостаточности последних, — озерам, на берегах которых здесь часто располагались поселения. О. Финш писал, что в нижнем течении Иртыша хлевы строятся крестьянами в части поймы, заливаемой весенним половодьем [Путешествие..., 1882, с. 552]. Ему вторит Х. Лопарев: “Надо заметить, что весь приречный край села (с. Самарово Тобольского уезда. — С. Т.) застроен хлевами и скотными дворами, которые во время наводнений сплошь затопляются”. Свидетельство Х. Лопарева наиболее отчетливо показывает, что подобное расположение для скота случайным не было: “Сверху этих хлевов, положительно вокруг всего села, сложено в стогах сено”, то есть, если сухое место было необходимо, оно находилось [Лопарев, 1896, с. 89]. В лесостепье, где малые реки не могли поднять во время разлива весь навоз, накопленный за зиму на усадьбе, крестьяне “приходили речке на помощь”: “В деревнях около рек делают “хлевы” и скотные загоны и зимою устраивают “водяники”, т. е. часть реки с прорубью обносят легкою, на одну зиму, изгородью, примыкающую к загону и соединяющуюся с ним воротцами (Шадринский уезд, 1849 г. — С. Т.)” [Зеленин, 1916, с. 1039]. В том же Шадринском округе, по замечанию В. Соколова, в середине XIX в. в поселениях крестьян отсутствовал всякий план, каждый хозяин стремился лишь, чтобы его двор находился как можно ближе к реке или озеру [Там же, с. 1043]. Автору данной статьи верхотурские старожилы рассказывали, что в конце прошлого столетия хлевы для скота часто строились на берегу р. Туры. Они были высокими, мощный бревенчатый пол в таких сооружениях не крепился к стенам. В период весеннего паводка он превращался в своеобразный плот и поднимался на воде вместе со скотом. Описанная конструкция избавляла крестьян от необходимости искать для скота другое помещение на период половодья, кроме того, хлев и усадьба очищались от накопленного за зиму навоза.

На юге региона обычной и повсеместной была практика сваливания навоза в озера. По красноречивому свидетельству И. Я. Слоцова, близ станицы Никольской (Акмолинская область) лежало “лучшее по всей Горькой линии озеро”, но и это обстоятельство не помешало местным “казак-старожилам” постоянно его “унаваживать” [Слоцов, 1881, с. 7]. А в примыкающем к западно-сибирскому оренбургскому лесостепью местные казаки “грязно-бурую крупнохлопчатую массу”, устилающую дно многих озер, называли “навозом” [Аленицин, 1873, с. 30] — ассоциация по подобию достаточно прозрачная. К. С. Воронов писал в первой половине 60-х гг. XIX в., что крестьяне в Барабе “склонны сваливать в озера навоз и иной мусор”, причем не всегда в этом отношении действовали совсем уж неосмотрительно. Так, жители с. Устьянцево сваливали навоз и мусор в горько-соленое озеро, находившееся неподалеку от селения. Само же село стояло на берегу другого, пресного озера. Но чаще всего расположение поселения не позволяло устроить свалку из специально отведенного для этой цели водоема, поэтому навоз и мусор попадали прямо в то озеро, на берегу которого стояло село или деревня [Воронов, 1865, с. 6].

Понятно, что описанная практика навозоудаления имела следствием антисанитарию. Это еще в начале XIX в. подметил А. М. Корнилов, описывая выгоды широкого применения навозоудобрения в западносибирском полеводстве: “Во-первых, земледельцы избавились бы от свозимых из дворов по близости селений навозных куч, от них при наступающем после дождей жарком времени порождаются густые смрадные туманы, и воздух делается столь вреден, что жители, покидая жилища, принуждены бывают переселяться” [1828, с. 50]. К. С. Воронов как врач с полной уверенностью заявлял, что “западносибирское навозоудаление” ведет к усугублению эпидемиологической ситуации в крае [Воронов, 1865, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н. Описание Березовского края // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 22.
Аленицин В. Очерк Троицко-Челябинских озер (Оренбургской губернии) и их ихтиологической фауны. Спб., 1873. 121 с.
АРГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
Бочанова Г. А. Промысловое освоение Сибири в конце XIX — начале XX вв. (Вопросы экологии) // Земледельческое освоение Сибири в конце XIX — начале XX вв. Новосибирск: Наука, 1985. 164 с.
Власова И. В. Землепользование в Поморье и Сибири XVII–XVIII вв. (Традиции и практика) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII — начала XX вв. М.: Наука, 1979. 232 с.
Воронов К. С. Томский и Каинский округ в медицинском отношении // Томские губернские ведомости. 1865. № 14.
Горшенин К. П. Почвы южной части Сибири (от Урала до Байкала). М.: Наука, 1955. 272 с.
Градобоев Н. Д., Прудникова В. М., Сметанин И. С. Почвы Омской области. Омск, 1960. 373 с.

- Громыко М. М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (в XVIII — первой половине XIX вв.). Новосибирск: Наука, 1975. 349 с.
- Докучаев В. В.* По вопросу о сибирском черноземе. Доклад сельскохозяйственному отделу Вольного экономического общества 11 марта 1882 г. Спб., 1882. 21 с.
- Емельянов Н. Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). Томск: Наука, 1980. 162 с.
- Емельянов Н. Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Наука, 1981. 171 с.
- Жеравина А. Н.* Крестьянское хозяйство приписной деревни Алтая // Вопросы истории Сибири. Томск: Наука, 1970. Вып. 5. 156 с.
- Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 2: Томская губерния. М., 1865. 414 с.
- Западная Сибирь.* Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1965. 487 с.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива Русского географического общества. Пгр., 1916. Т. 1. Вып. III. 1020 с.
- Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Иркутск. ун-т, 1968. 372 с.
- Кауфман А. А.* Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. (По данным новейших исследований) // Сельское хозяйство и лесоводство. Спб., 1893. Ч. CLXXIII.
- Кондрашенков А. А.* Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Ч. II: Экономика и положение крестьян. Челябинск, 1969. 162 с.
- Корнилов А. М.* Замечания о Сибири. Спб., 1828. 105 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.* Новосибирск: Наука, 1982. 501 с.
- Левитов И.* Одно из частно-владельческих хозяйств в Западной Сибири // Сельское хозяйство и лесоводство. Спб., 1893, май.
- Лопарев Х.* Самарово село Тобольской губернии и округа. (Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом). Спб., 1896. 244 с.
- Мамсик Т. С.* Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизм формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск: Наука, 1989. 238 с.
- Милов Ф. Н.* Человек и ландшафты. М.: Наука 1973. 137 с.
- Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 303 с.
- Миненко Н. А.* Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск: Наука, 1991. 208 с.
- Мозель Х.* Материалы для географии и статистики России: Пермская губерния. Спб., 1864. Ч. 2. 474 с.
- Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Академии Наук. Спб., 1786. Ч. II. Кн. 2. 571 с.
- Патканов С. К.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Ч. II: Источники благосостояния жителей // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1891. 381 с.
- Петров В. В.* Жизнь леса и человек. М.: Наука, 1985. 127 с.
- Половинкин Н. С., Суринов В. М.* Пахари и сохлады Урала и Зауралья. Конец XIX — начало XX вв. Тюмень: Рутра, 1995. 111 с.
- Пундани В. В.* Развитие животноводства в Зауралье в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск: Челябинск. пед. ин-т, 1975. 78 с.
- Путешествие в Западную Сибирь д-ра Финша и А. Брема.* М., 1882. 315 с.
- РГИА.* Ф. 1264. Оп. 1. Д. 486. Л. 22 об., 23.
- Русакова Л. М.* Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII–XIX вв. Новосибирск: Наука, 1976. 242 с.
- Русская печать о Сибири // Сибирский сборник.* Спб., 1892. 241 с.
- Сабанский Г. Г.* Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1988. 124 с.
- Семенова-Тян-Шанская А. М.* Мир растений и люди. Л.: Наука, 1986. 172 с.
- Скалозубов Н. Л.* Коллекция образцов почв Тобольской губернии, принадлежащая Тобольскому губернскому музею // ЕТГМ. Вып. IV. Тобольск, 1895а. 321 с.
- Скалозубов Н. Л.* Краткий отчет о поездке, совершенной летом 1895 года по Тобольской губернии. Спб., 1895б. 15 с.
- Словцов И. А.* Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд Акмолинской области в 1878 году // ЗССОИРГО. Омск, 1881.
- Словцов И. Я.* Позвоночные Тюменского округа и их распространение в Тобольской губернии. М., 1892. 78 с.
- Сласский Г.* Путешествие на Тигирецкие белки // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1.
- Третьяков А.* Шадринский уезд Пермской губернии в сельскохозяйственном отношении // Журн. Министерства государственных имуществ. Т. 65. Ч. II. 1852. 207 с.
- Турбин С.* Сибирь: Краткое землеописание. Спб., 1871. 312 с.
- Туров С. В.* Применение огня в хозяйственном быту русских крестьян Западной Сибири в XVII — первой пол. XIX вв. // Духовная культура Сибири (проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории). Тюмень: Тюменск. ун-т, 1994.
- Филимонов Е. С.* Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Спб., 1892. Вып. XVII. 212 с.
- Шавров В. Н.* Краткие записки о жителях Березовского уезда. М., 1871. 82 с.